

тянется и томится среди очарования. Но очарование не есть любовь. Не любовь и любование» [11, с. 491].

Здесь следует сделать значимое уточнение. Введенное в философию Шпенглером понятие «исторической псевдоморфозы» обладает достаточно большим эвристическим потенциалом. Вместе с тем данный концепт содержит в себе и опасность злоупотреблений. Речь идет о расширении объема данного понятия до такой степени, что под псевдоморфозой начинают подразумевать практически любое иноземное влияние. Однако подобное чрезмерно расширенное употребление понятия псевдоморфозы не является закономерным. Существует, например, соблазн утверждать, что в качестве псевдоморфозы выступает христианизация Руси [17]. Или можно обнаружить псевдоморфозу уже в призвании на Русь варягов [18, с. 226]. Действительно, и в том, и в другом случае русская культура принимает чужие, иноплеменные формы религиозного и государственного сознания. Однако этого еще недостаточно, чтобы говорить о псевдоморфозе. На момент призвания правителей из-за моря, как и на момент крещения собственно русской культуры, русского духа еще не существовало. Были различные племенные объединения, не обладавшие еще единой идеей, способной дать творческий потенциал к культурному созиданию. Собственно русского народа тогда еще не существовало, были «пранароды» (термин Шпенглера) или, в терминологии Н.Я. Данилевского, был этнографический материал. О псевдоморфозе в данном случае говорить не приходится, поскольку не было еще того, что могло бы подвергнуться искажающему воздействию чужеродных форм. Это был период первичного хаоса, ситуации, когда еще не был сделан выбор, не был определен собственный путь. О псевдоморфозе можно говорить только тогда, когда уже есть молодая культура, молодая душа. В ситуациях, когда имеет место только хаос этнографического материала, псевдоморфоза не может состояться. Только пробуждающаяся, зарождающаяся культура обладает творческим потенциалом, позволяющим использовать иноземное влияние в качестве питательной среды для самостановления. Христианизация Руси по этой причине не была псевдоморфозой, но являлась моментом начала культурного и исторического самоопределения, моментом зарождения русской души. Принятие христианства в данном случае выступает в качестве начала пути, отправного пункта, исходя из которого русская душа может начать путь самоосознания и самосозидания. Первичный хаос не может быть преодолен сам собой, нужен толчок, нужна искра, чтобы разгорелся творческий огонь духовности. Только после того, как это событие произошло, становится возможна псевдоморфоза. На этом основании применительно к России можно говорить только об одной псевдоморфозе: о влиянии Запада. Именно здесь проявляется то непостоянство в любви, о котором говорит Флоровский. Здесь источник

перебоев, отречений, измен и разрывов, приводящих к тому, что «влияния в русском развитии чувствуются сильнее, чем творческая самодеятельность» [11, с. 490].

Задача преодоления псевдоморфозы требует возвращения к истокам, к преданию, которое у нас не было в полной мере осознано и осмыслено. Время для формирования русской философии еще не наступило. Сначала должно быть сформировано русское богословие. Нельзя перепрыгивать через ступени духовного становления: «путь церковно-исторических воспоминаний был пройден слишком быстро и бегло, и только в элементе созерцания. И нельзя сказать, чтобы русское богословие в своем творческом развитии достаточно полно и чутко пережило даже патристику и византизм» [11, с. 498].

Ввиду задачи преодоления европейской псевдоморфозы для русской мысли учение Ницше, как ни странно, приобретает позитивную значимость. Конечно, и в отношении Ницше были у нас перекосы и уклонения, чрезмерные увлечения, уводящие в сторону от настоящей задачи. Русское ницшеанство, представленное такими фигурами, как Д.С. Мережковский, А. Белый, Л. Шестов, В. Розанов, Н.А. Бердяев и другими претендентами на титул «русского Ницше», приводит лишь к прививке европейского нигилизма русской культуре. Однако не следует забывать, что сам Ницше вовсе не искал «последователей». Меньше всего он желал, чтобы кто-либо следовал за ним. Императив его учения – «*Werde, der du bist!*»: «Стань тем, кто ты есть!». И в этом направлении учение Ницше оказывает неоценимую помощь в освобождении от всего того, к чему так склонна уклоняться и прилепляться русская душа в силу своей чуткости и отзывчивости. Ницше снимает ореол очарования с немецкого идеализма, равно как и с материализма и позитивизма, показывает, что под всеми этими течениями европейской мысли скрывается нигилизм, воля к ничто. У нас об этом говорил Н.Я. Данилевский. Но он не был услышан. Должен был появиться «безумный» Ницше, своим положением в истории европейской философии напоминающий юродивого.

На этом мы завершаем наше рассмотрение. Подводя итоги, можно отметить, что значимость и потенциал теории псевдоморфозы состоит не в маниакальном расширении данного понятия до объема всей русской истории с древнейших времен. Теория псевдоморфозы позволяет осознать подлинные задачи исторического пути. Она обращена не в прошлое, но в будущее. Именно это сумел распознать Г. Флоровский: «Исторический путь еще не пройден, история Церкви еще не кончилась. Не замкнулся еще русский путь. Путь открыт, хотя и труден. Подлинный исторический синтез не столько в истолковании прошлого, сколько в творческом исполнении будущего» [11, с. 509]. В отношении России Шпенглер сделал лишь самые

общие замечания. Заслуга разработки теории псевдоморфозы русского сознания принадлежит Г. Флоровскому.

Список литературы

1. Карамзин, М.Н. История государства Российского / М.Н. Карамзин. – М.: Правда, 1998. – 768 с.
2. Исаев, И.А. Топос и номос: пространства правопорядков / И.А. Исаев. – М.: Норма, 2007. – 416 с.
3. Гегель, Г.В.Ф. Философия права / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
4. Гоголь, Н. Мертвые души / Н.В. Гоголь. – М.: Олма Медиа Групп, 2012. – 448 с.
5. Чаадаев, П.Я. Сочинения / П.Я. Чаадаев. – М.: Правда, 1989. – 656 с.
6. Хайдеггер, М. О существе и понятии φύσις // Т.В. Васильева. Семь встреч с М. Хайдеггером. – М.: Издатель Савин С.А., 2004. – С. 119–185.
7. Балаклеец, Н.А. Terra nullius и отношения власти в социальном пространстве / Н.А. Балаклеец // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 369. – С. 38–42.
8. Щученко, В.А. Исторические псевдоморфозы: от романтизированных идеологем к теоретическому осмыслению / В.А. Щученко // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2019. – Т. 20. Вып. 2. – С. 243–257.
9. Королев, С.А. Феномен псевдоморфозы: попытка реинтерпретации / С.А. Королев // Исторический журнал: научные исследования. – 2015. – № 1 (25). – С. 36–46. – DOI: 10.7256/2222-1972.2015.1.14995
10. Шпенглер, О. Закат Европы / О. Шпенглер. – Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. – 1376 с.
11. Флоровский, Г. Пути русского богословия / Г. Флоровский. – Минск: Белорусская Православная Церковь, 2006. – 608 с.
12. Лишаев, С.А. История русской философии. Часть II. Книга 2 / С.А. Лишаев. – Самара: Самарская гуманитарная академия, 2006. – 240 с.
13. Лосский, В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие / В.Н. Лосский. – М.: Академический проект, 2015. – 543 с.
14. Лосский, Н.О. История русской философии / Н.О. Лосский. – М.: Сварог и К, 2000. – 496 с.
15. Ницше, Ф. Полное собрание сочинений: в 13 т. – Т. 13: Черновики и наброски 1887–1889 гг. / Ф. Ницше. – М.: Культурная революция, 2006. – 688 с.
16. Ницше, Ф. Полное собрание сочинений: в 13 т. – Т. 1/2: Несвоевременные размышления. Из наследия 1872–1873 гг. / Ф. Ницше. – М.: Культурная революция, 2013. – 480 с.
17. Королев, С.А. Христианизация как псевдоморфоза / С.А. Королев // Философия и культура. – 2014. – № 8. – С. 1131–1148. – DOI: 10.7256/2454-0757.2014.8.12466.
18. Сучилина, А.А. Псевдоморфизм российской цивилизации в философии культуры В.В. Розанова / А.А. Сучилина // Вестник университета. – № 10. – 2012. – С. 225–229.

THEOLOGICAL PERFORMANCE IN RUSSIAN PHILOSOPHY: TO THE PROBLEM OF PSEUDOMORPHOSIS OF RUSSIAN RELIGIOUS CONSCIOUSNESS

V.T. Faritov*

Ulyanovsk State Technical University, Ulyanovsk, Russia

E-mail: vfar@mail.ru

Abstract. *The article is devoted to comprehending the path of Russian religious philosophy in the perspective of the crisis of European metaphysics. Based on the analysis of the concepts of O. Spengler and G. Florovsky, the article substantiates the thesis that Russian religious philosophy is the result of a pseudomorphosis of Russian culture. The heuristic potential of the concept of pseudomorphosis for the study of the history of Russian philosophy is revealed. At the same time, the author criticizes the unjustified expansion of the scope of this concept. A comparative analysis of the teachings of G. Florovsky and F. Nietzsche is carried out.*

Keywords: *pseudomorphism, European metaphysics, Russian philosophy, theology, O. Spengler, G. Florovsky, F. Nietzsche.*

**FARITOV Vyacheslav Tavisovic* – Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy of the Ulyanovsk State Technical University.

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

*Е.А. Тюгашев**

*ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет», г. Новосибирск, Россия
E-mail: filosof10@yandex.ru*

***Аннотация.** На основе аксиологического подхода проведен анализ кирилло-мефодиевской традиции. Ее специфическими ценностями являются миролюбие, гетерархия, неизменная верность, принцип «делай как я», подвижничество. Эти ценности конституируют кирилло-мефодиевскую цивилизацию, в состав которой входит Россия.*

***Ключевые слова:** ценности, цивилизация, Кирилл и Мефодий, Константин Философ, кириллица, кирилло-мефодиевская традиция.*

В нашей стране довольно заметным является культурническое движение, посвященное актуализации духовного наследия славянских просветителей, святых католической и православной церкви братьев Кирилла и Мефодия. В их честь ежегодно 24 мая празднуется День славянской письменности и культуры. В рамках праздничных мероприятий во многих городах проводятся научно-организационные и культурно-просветительские мероприятия. В публикациях по итогам данных мероприятий подчеркиваются заслуги Кирилла и Мефодия в просвещении славян, рассматриваются различные аспекты истории духовной культуры.

Открытым остается вопрос о том, чем ценна для современного человека память о деяниях, которым более тысячи лет? Что полезного она может дать в нашем глобализированном мире? Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл в «Слове», прочитанном в День славянской письменности и культуры 24 мая 2010 года, провозгласил, что святые Кирилл и Мефодий «сформировали систему ценностей, в которой воспитывались все последующие поколения славян, в том числе и наш великий народ» [3]. Но в своем кратком «Слове» Святейший патриарх Кирилл не дал, к сожалению, описания этой системы ценностей.

На мой взгляд, кирилло-мефодиевская традиция действительно имеет аксиологическое измерение [14]. Задача статьи состоит в определении конкретных ценностей, составляющих фундамент цивилизации, у истоков которой стояли славянские просветители.

*ТЮГАШЕВ Евгений Александрович – доктор философских наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, конституционного права Института философии и права ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет».

Ценности сегодня чаще всего понимаются как значимые явления, а также как образцы (нормы), определяющие деятельность людей. Исходя из этого представления, в данной статье будет предпринята попытка выявить то значимое в жизни Кирилла и Мефодия, что легло в основу нашей цивилизации и может служить моделью поведения, образцом для подражания в повседневной жизни.

Первая ценность – это миролюбие как антитеза воинственности. По оценке архимандрита Платона (Игумнова) Кирилл и Мефодий «строили мосты христианского единства там, где мир их эпохи копал пропасти разделений <...> стремились угасить политические несогласия и раздоры своего времени» [8, с. 183]. Как подчеркивают исследователи, эту ценность славянские просветители утверждали в христианском мире [5, с. 79], в отношении к язычеству [1, с. 267], а также в зарубежных миссиях, которые оцениваются как миротворческие [15, с. 103].

Примечательно, что данная установка сочеталась с миролюбием славянских народов. «Характерной особенностью славянских культур, – писал В.Я. Петрухин, – является отсутствие военного эпоса как описания завоевательных походов, т.е. отсутствие агрессивного начала» [2, с. 7]. Невоинственность славян-земледельцев, рассеянных по обширным территориям, определяла и такое их качество как уживчивость, способность к совместному проживанию с представителями различных этносов.

Еще одно важное качество, связанное с миролюбием, В.Н. Топоров раскрывает на примере описываемого в житии Кирилла случая низвержения дуба (сросшегося с черешней), которому поклонялись жители крымского города Фуллы. По его оценке, Константин-философ, понимая глубокую привязанность фульцев к дубу, «не столько нападал на него или на самих фульцев, цепляющихся за этот обряд и его символ, сколько увещал их с достаточной мягкостью и тактом...» [12, с. 124]. Увещая жителей, Константин-философ подчеркивал, что в данной ситуации (фактически экзистенциальной) фульцы могут выступить избранными Богом. Это высокая честь и высокая ответственность. Растрогав фульцев и получив их молчаливое согласие, Константин повелел срубить и сжечь дуб, что было исполнено без задержек, быстро и естественно.

Так же тактично и деликатно вел себя Константин в диспутах. Как подмечает В.Н. Топоров, в его полемике не было гнева и огнепальности, «он не набрасывался на оппонента, не стремился разбить его в пух и прах, но стремился к тому, чтобы адекватно, то есть точно, в соответствии с внутренней сутью обсуждаемого явления, изъяснить предмет беседы и к тому, чтобы изъясняемое было понято оппонентом и по возможности усвоено» [12, с. 167]. В результате побежденный не обижался, а как бы присоединялся к победителю, разделяя общую победу. Побежденный не

столько сохранял лицо, сколько входил в состав – благодаря присоединению – новой коллективной (соборной) личности.

Согласие, основанное на взаимопонимании, было более ценным, чем торжество, унижение и посрамление противника, все же остающегося при своем мнении. Такого рода тактичность, по мнению В.Н. Топорова, опиралась не только на осведомленность в сути предмета, но и на понимание психологии спорящего. А последний при помощи наводящих, перебрасывающих «мосты» вопросов, сам приходил к переосмыслению предмета полемики [15, с. 168].

Вторая ценность – это гетерархия как альтернатива иерархии. Отстаивая создание славянской азбуки и правомерность перевода христианских текстов на древнеславянский язык, Константин Философ выступил против догмата трехязычия, согласно которому богослужение может вестись только на еврейском, греческом и латинском языках. Славянский первоучитель утверждал равенство языков и народов: «Не идет ли дождь от бога равно на всех, не сияет ли для всех солнце, не равно ли все мы вдыхаем воздух? Как же вы не стыдитесь лишь три языка признавать, а прочим всем народам и племенам велите быть слепыми и глухими?» [10, с. 89].

Противостояние славянских просветителей принципу иерархии соответствовало убеждениям славян. В.Я. Петрухин подчеркивает, что во всех ветвях славянства крестьянский труд ценился наравне с ратным трудом [2, с. 37]. Традицией общинности С.В. Перевезенцев объясняет такие присущие славянам нормы общежития, как равенство, выборность органов управления, неприятие иерархии [5, с. 53].

Термин «гетерархия» буквально означает власть других, чужеземцев. Нельзя не признать, что данная политическая практика традиционна в истории России, которой, по общему мнению, правили иноземцы – норманны, татары, немцы и др. Как представляется, такая практика вытекает из невоинственности, миролюбия славян, которые во избежание насильственного разрешения внутренних конфликтов, соглашались на правление чужаков.

Гетерархия в кибернетике понимается как распределенное управление. Оно осуществляется одновременно несколькими, пересекающимися системами управления. Любопытно, что именно в этой ситуации находились во время моравской миссии Кирилл и Мефодий, поскольку в геополитических перипетиях того времени они были вынуждены маневрировать между Константинополем, Римом и славянскими государями.

В повседневной жизни гетерархия обычно отождествляется с сетевой организацией и проектными структурами. При управленческом режиме гетерархии подчинение ситуативно и осуществляется в отношении тех, кому требуется поддержка. Формальные руководители выполняют посреднические функции в обслуживании подчиненных им подразделений.

Третья ценность – это неизменная верность. В условиях гетерархии и подчинения нескольким управленческим структурам возникает проблема сохранения избранного вектора исторического движения при неизбежных конфликтах.

Обращалось внимание, что Кирилл и Мефодий сохраняли верность православию, противостояли уклонениям и отступлениям от заветов раннего христианства [10, с. 89]. На фоне данной нравственной позиции П. Лавровского изумляет конъюнктурность поведения римских пап в отношении славянских просветителей, а именно: нерешительность и шаткость во взглядах, непостоянство и нетвердость, непоследовательность и противоречивость в собственных распоряжениях [4, с. 581].

Отметим, что В.Н. Топоров важную особенность Константина Философа видел в принципиальности, не допускающей уступок в главном, то есть в неприятии соглашательства [12, с. 168]. Но при этом он мог тактично подчеркивать действительно общее, которое действительно присутствовало, поскольку объединяющая коммуникативная ситуация объективно существовала.

Абсолютизация ценности неизменной верности приводила к ортодоксальности православия, его догматизму. По оценке Р. Пиккио, автора концепта *Slavia Orthodoxa*, вследствие ускоренной рецепции византийского наследия, «религиозные понятия, художественные клише и нормы морали христианского средневековья, которые нередко истолковывались на Западе как трансформация или адаптация более древних учений, на Руси утвердились и обрели абсолютную власть над умами как незыблемые истины» [6, с. 40].

Данная ценность имела и свою оборотную сторону. Неизменная верность могла храниться случайному и несущественному, которое также боготворилось. Так, болгарский книжник Константин Костенецкий (ок. 1380–1430-е гг.) призывал осуществить реформу сербского правописания, исправить «божественные книги». Для него это было важно, как поясняет И.И. Калиганов, потому что «отклонение от классических кирилло-мефодиевских языковых норм <...> привело к моральному разложению, которое затронуло как высшие, так и низшие слои населения, стало причиной умножения ересей и суеверий» [2, с. 122]. И это далеко не единственная попытка реформы правописания, которая в *Slavia Orthodoxa* могла достигать масштаба жесткой культурной революции (например, церковный раскол).

Четвертая ценность – это деловой принцип «Делай, как я». Он альтернативен антиценности, выраженной в предписании «Делай, как я говорю».

Данная ценность сформулирована в определении философии, которое дал Константин Философ: «Знание вещей божественных и человеческих, насколько может человек приблизиться к богу, который учит человека

делами (своими) быть по образу и по подобию сотворившего его» [10, с. 73]. В этом определении предполагается, что человек должен следовать богу, который наставляет не словами, а делами, и в этих делах ему нужно подражать.

Например, Господь дал миру слово христианского вероучения. Апостолы вслед за ним шли учить все народы. «Это апостольское деяние было усвоено как некая неотменимая парадигма для всех тех, чьи деяния были позже оценены, как продолжение апостольского подвига, и кто был признан в свое время равноапостольным святым. Константин Философ был одним из них», – писал В.Н. Топоров [12, с. 134–135]. Его просветительское служение сопоставимо с деяниями апостолов, продолжало первоапостольскую традицию и обеспечивало ее преемственность с деяниями Бога.

Именно такую модель поведения продемонстрировал святой Климент Охридский, ученик Кирилла и Мефодия и основатель Охридской книжной школы. «Образцом своей жизни Климент сделал великого Мефодия. Он стремился к тому и молился о том, чтобы не отклониться от цели в своем следовании ему, – говорится в его «Пространном Житии». – Взяв за основу собственного поведения его жизнь и деяния, словно некую картину, написанную живописцем, сведущим в искусстве, он усердно рисовал самого себя по его образцу» [14, с. 200–201]. Следуя своим учителям, Климент Охридский продолжил «Дело», основывал школы и обучал на глаголице и кириллице.

Посильное уподобление в деле включает учеников в дело, и это дело становится общим. Поэтому принцип «Делай, как я» вводит в обстановку сотрудничества, общего дела. «Вот, брат, были мы с тобой парой в одной упряжке и пахали одну борозду, – сказал Кирилл перед смертью своему брату, – и я на поле падаю, окончив день свой» [10, с. 97]. Подхватывающий традицию, продолжает общее, начатое Богом дело.

Общность дела проявляется, прежде всего, в собирании и обобщении накопленного традицией наследия. Как констатирует Р. Пиккио, византийская культура тяготела к энциклопедизму. Следуя византийским образцам, болгарские книжники составляли серии энциклопедий, антологий, «Шестоднегов». На Руси также высоким был спрос на обобщающие издания – компилятивные сборники (хроники, собрания, избранные сочинения) [6, с. 50].

Таким образом, компилятивность в известном смысле есть культурная норма кирилло-мефодиевской традиции. Как показывал В. Н. Топоров на материале «Прогласа», даже текст Константина Философа выстраивался как соборная цитата, по принципу мозаичной композиции [12, с. 49]. «Мозаичное» собирание конденсировало, сгущало отрывки из освященных традицией канонических сочинений, создавая эффект резонанса. Кроме того, техника

мозаики предполагала медленное рассматривание, вовлекающее и волнующее, создающее впечатление постепенного постижения глубины смысла [12, с. 57]. Привычные, узнаваемые «цитаты» незаметно соединялись с авторской мыслью.

Оборотной стороной принципа «делай, как я» была сакрализация основателей традиции, да и ее продолжателей. Г.П. Мельников видит в деятельности кирилло-мефодиевских учеников в Болгарии стремление укрепить почитание святых равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия, сакрализовать созданную ими славянскую азбуку. «Подвиг апостолов славянства поднимается гимнографами на невиданную высоту, – пишет он, комментируя «Слово похвальное Кириллу» Климента Охридского. – Они сравниваются с солнцем и звездой, которые своим светом осветили всю вселенную и рассеяли мрак неведения у народов на севере и на юге, на западе и востоке» [2, с. 108]. Возвышение первоучителей, «богодвижных», «богоразумных» и «богогласных», легитимировало традицию, укрепляло положение ее хранителей, сопричастных к деяниям и славе Бога.

Пятая ценность – подвижничество. Внешне оно проявляется, прежде всего, в подвижности (мобильности) первоучителей славянства. В образе жизни святых Кирилла и Мефодия известный историк М.П. Погодин не видел домовитости, присущей грекам. Они путешествовали непрерывно, что составляло, по мнению М.П. Погодина, родовую черту славян [9, с. 99]. Так, первоначально и Дух Божий носился над водою.

А слово его воплощалось в дело творения мира. Для Кирилла и Мефодия, как подчеркивал В.Н. Топоров, главным в жизни был труженичество – труд, старательный, упорный и добросовестный [12, с. 140]. И добавим – творческий, сверхэффективный труд.

В период двухлетнего пребывания в Херсоне Кирилл овладел «русскими письменами», сирийским и древнееврейским языками. За 40 дней составил глаголицу и вскоре перевел с греческого языка на славянский весь церковный чин. Мефодий при помощи двух учеников («попов-скорописцев») перевел за восемь месяцев библейские книги.

Столь же быстро в XIV веке епископ пермский Стефан выучил язык коми, составил его грамматику, алфавит и перевел на него со славянского языка священные тексты. В православной письменной традиции подчеркивалось, что Стефан Пермский (как и святой Кирилл) сделал то, на что многие ученым понадобились бы годы тяжкого труда. «Исключительный характер этого предприятия определил то горячее одобрение, с каким оно было встречено в православных кругах», – пишет Р. Пиккио [6, с. 139].

Эти чудотворения объяснялись в житиях святых помощью бога. Но подмечалось, что многое было сделано раньше. «Быстрые победы» все же были хорошо подготовлены кропотливым, незаметным и систематичным трудом. Принцип «быстрых побед» соответствовал культуре переложно-

подсечного земледелия славян и вошел в управленческую практику российских элит, правящих в режиме ротации.

Мы помним пушкинские строки: «...труд упорный ему был тошен». Но не тошен труд в любимом деле, когда человек занимается тем, что у него лучше всего получается, и тогда он работает с полной самоотдачей. Так, о деятельности Мефодия в Моравии (после смерти Кирилла) говорилось: «Превосходя всех в учительстве, он не стал зарывать свой талант в землю, не стал скрывать благодать духовного дара и не сделал власть началом роскоши, но со всеми делился благом» [14, с. 171]. Использование личного потенциала сверхэффективно.

Когда человек делится с другими результатами плодотворного использования своего дара, то это воспринимается как делание добра. «Обретение же святых мощей Климента было открытием не только для Константина, но и для всех жителей Херсонеса, для Рима, для всей христианской церкви» – подчеркивал В.Н. Топоров [12, с. 117]. Примером такого делания является следующее деяние Климента Охридского: «По всей болгарской стране цвели дикие деревья, не приносившие плодов. Климент же даровал и это благо, а именно привез из греческой страны всякие виды культурных деревьев и путем прививок облагородил дикие растения, с тем, как я думаю, чтобы и таким способом воспитать человеческие души, дабы они усваивали соки доброты...» [14, с. 203]. Как сообщает дальше автор «Пространного жития», Климент заботился о многих – «дабы они спаслись» [14, с. 203].

Делание добра, наделяющее благом остальных, выражает возвышающий характер кирилло-мефодиевской традиции. Он проявлялся в содержании переводимой литературы. Для перевода выбирались прежде всего святоотеческие сочинения, обладавшие непререкаемым авторитетом и получившими вселенское признание. На взгляд А. Тахиаоса, это свидетельствовало об «устремлении души к вышнему; благодаря глубокому усвоению их содержания можно было приуготовить и образовать себя для дальнейшего восхождения к высочайшим духовным вершинам» [11, с. 195]. Кроме того, такой отбор обеспечивал безопасность, оберегал от возможного духовного падения, поскольку славяне «совсем не чувствовали себя уверенно в умственных областях, не пройдя строгой школы ума, которой отличалась Византия» [11, с. 197].

По мнению Р. Пиккио, подвиг есть возвышенное и возвышающее деяние. На подвиг праведники подвигаются и воздвигаются [7, с. 263–264]. Подвижническое деяние свидетельствует об общности деятельности человека и божественной благодати. Возвышающие устремления, как размышлял В.Н. Топоров, делали Кирилла «восприимчивым к той помощи, что может идти

свыше» [12, с. 140]. Более того, для совершения подвига необходима отзывчивость, когда человек улавливает знаки свыше, придает значение, казалось бы, случайной информации, проявляет личную инициативу, вовлекая в нее всех остальных [12, с. 114].

Подвижник в подвиге обретает сподвижников. Так, один самаритянин вместе с сыном крестился, восхищенный быстрым овладением Константином самаритянским языком во время его пребывания в Херсонесе. В.Н. Топоров объясняет это «малое» чудо так: «Просто одному, увлеченному своей интеллектуально-познавательной задачей, было приятно решать ее, постигая нечто «чужое», становящееся все более и более своим. Другому же было приятно видеть и слышать, как его «свое» становится своим и для «чужого», становящегося через этот акт приобщения тоже «своим» – хотя бы отчасти» [12, с. 111–112]. Так, как бы само собой, «сверхъестественно-естественно» произошло обращение самаритянина в христианство.

Константин-философ всегда откликался на зовы времени и призывы о поддержке, которые стали его призванием. Раздумывая над его миссиями, В.Н. Топоров проводит парадоксальное рассуждение. Суть его состоит в том, что целеустремленному человеку на своем жизненном пути приходится отвлекаться на различные, казалось бы, маловажные дела. Он не может пройти мимо этих мелочей и неотложных дел и смиряется с этим. Постепенно «главная цель непоправимо отступает в тень, разум еще помнит о ней, но душа, сердце все более и более обращаются к «малым» целям...» [12, с. 161]. И вдруг, одно из этих неглавных дел, связанных со злобой сего дня, становится главным подвигом его жизни. В этом состоит мудрость Провидения, оправдывающая народническую теорию «малых дел».

Выявленные модели поведения, основанные на осмыслении жизненного пути Кирилла и Мефодия, их последователей, я предлагаю позиционировать как фундаментальные ценности кирилло-мефодиевской цивилизации – цивилизации, в состав которой наряду со многими другими государствами входит современная Россия.

Могут возникать вполне обоснованные сомнения в том, что эти ценности реализовывались повседневно и повсеместно. Поэтому мне кажется уместным привести следующую оценку В.Н. Топорова: «Нет необходимости еще раз специально говорить о роли кирилло-мефодиевского наследия для русской духовной культуры на всем ее протяжении. Нужно, пожалуй, лишь напомнить, что это наследство стало источником и основой той прошедшей сквозь тысячелетие традиции, которая не прекращалась и в худшие времена, хотя и отступала в глубокую тень, почти теряясь в ней, а в лучшие времена

являлась во всем блеске своей очевидности, собирая вокруг себя все наиболее творческое в духовной сфере» [12, с. 19].

Базовые ценности кирилло-мефодиевской цивилизации сопоставимы, на наш взгляд, с пятью добродетелями конфуцианского «благородного мужа». Данное сравнение открывает ряд исследовательских перспектив. Во-первых, конфуцианская традиция упрочилась в соперничестве с даосизмом, что позволяет предположить существование ценностной альтернативы кирилло-мефодиевской традиции (например, в России – киево-печерского аскетизма). Во-вторых, можно установить взаимное соответствие ценностей, выявить более общую аксиологическую модель, лежащую в их основе, и применить данную модель к выявлению фундаментальных ценностей других цивилизаций.

Список литературы

1. Громов, М.Н. Идеиные течения древнерусской мысли / М.Н. Громов, В.В. Мильков. – СПб.: РХГИ, 2001. – 960 с.
2. История культур славянских народов: 3-х тт. – Т. I. Древность и Средневековье / Отв. ред. Г.П. Мельников. – Москва: ГАСК, 2003. – 488 с.
3. Кирилл, Святейший Патриарх Московский и всея Руси. Слово в День славянской письменности и культуры на Васильевском спуске в Москве // Русское воскресенье. Православное обозрение [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.voskres.ru/idea/kirill6.htm>
4. Лавровский, П. Кирилл и Мефодий как православные проповедники у западных славян, в связи с современною им историей церковных несогласий между Востоком и Западом / П. Лавровский. – Харьков: В Унив. тип., 1863. – VII. – 588 с.
5. Перевезенцев, С.В. Тайны русской веры. От язычества к империи / С.В. Перевезенцев. – М.: Вече, 2001. – 432 с.
6. Пиккио, Р. Древнерусская литература / Р. Пиккио. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 352 с.
7. Пиккио, Р. Slavia Orthodoxa: Литература и язык / Р. Пиккио. – М.: Знак, 2003. – 720 с.
8. Платон (Игумнов), архим. Апостольская миссия святых Кирилла и Мефодия в парадигме цивилизационного культурно-исторического процесса // Богословский вестник. – 2019. – Т. 34. – № 3. – С. 173–192.
9. Погодин, М.П. Речь, произнесенная в заседании московского общества любителей российской словесности 11 мая 1863 года, в память о св. Кирилле и Мефодии / М.П. Погодин // Кирилло-Мефодиевский сборник в память о совершившемся тысячелетии славянской письменности и христианства в России, изданный по определению Московского общества любителей русской словесности М. Погодиным. – М.: Синодальная типография, 1865. – С. 81–144.
10. Сказания о начале славянской письменности / Отв. ред. В.Д. Королюк. – М.: Наука, 1981. – 200 с.
11. Тахиаос, А. Святые братья Кирилл и Мефодий, просветители славян / А. Тахиаос. – Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2005. – 391 с.
12. Топоров, В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. – Т. 1. Первый век христианства на Руси / В.Н. Топоров. – М.: «Гнозис» – Школа «Языки русской культуры», 1995. – 875 с.
13. Тюгашев, Е.А. Кирилло-Мефодиевская традиция в понимании российской цивилизации / Е.А. Тюгашев // Вопросы социальной теории: Научный альманах. – Том XII. – 2020. Россия как цивилизация будущего / под редакцией Ю.М. Резника. – М.: Издательство Независимого института гражданского общества, 2020. – С. 212–222.
14. Флоря, Б.Н. Судьбы Кирилло-Мефодиевской традиции после Кирилла и Мефодия / Б.Н. Флоря, А.А. Турилов, С.А. Иванов. – СПб.: Алетейя, 2000. – 314 с.
15. Шишин, М.Ю. Кирилло-мефодиевская традиция как один из ключевых элементов евразийской доктрины / М.Ю. Шишин // Евразийство: теоретический

потенциал и практические приложения. – Барнаул: Алтайский государственный университет, 2014. – С. 97–104.

FUNDAMENTAL VALUES OF THE CYRIL-METHODIUS CIVILIZATION

E.A. Tyugashev*

*Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
“Novosibirsk National Research State University”, Novosibirsk, Russia*

Abstract. *Based on the axiological approach, the analysis of the Cyril-Methodius tradition is carried out. Its specific values are peacefulness, heterarchy, unchanging faith, the principle of «do as I do», heroism. These values constitute the Cyril-Methodius civilization, which includes Russia.*

Keywords: *values, civilization, Cyril and Methodius, Constantine the Philosopher, Cyrillic, Cyrillic-Methodian tradition.*

**TYUGASHEV Evgeny Alexandrovich* – Doctor of Philosophy, Associate Professor of the Novosibirsk State University.